

УДК 101.1; 101.2

DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-3-66-83

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАУКИ

Петрухина Полина Сергеевна – аспирантка. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: polina.petrukhina@gmail.com

В статье рассматривается применение эмпирических методов к философскому исследованию науки. Особое внимание уделяется трансформации понимания философии, ее статуса и задач во взаимодействии с STS-исследованиями. Описание роли STS-проектов в изучении процессов производства научного знания приводится на примере нескольких ключевых работ (Латура и Вулгара, Кнорр-Цетины, Ло). Проводится разделение между двумя формами влияния STS на философию: содержательный вклад в обсуждение эпистемологических вопросов и стимулирование методологической рефлексии. Влияние STS на философию анализируется в свете более общей тенденции к интеграции философии с эмпирической методологией, включающей в себя философию, проводящую исследования по модели «классических» STS, то есть с использованием антропологических и этнографических методов, интервью и пр. (эмпирическая философия), а также экспериментальную философию, адаптирующую количественные статистические методы под решение философских задач. В качестве ключевой проблемы, вызванной экспансией эмпирических методов в философию, рассматривается угроза потери последней ее дисциплинарной автономии. Анализируются возможные стратегии преодоления данного вызова на материале выделенных направлений эмпирических философских исследований науки. Для экспериментальной философии основным критерием отличия своих исследований от естественнонаучных дисциплин является философский характер исследовательских вопросов. Альтернативная стратегия, выраженная во взаимодействии философии с STS, предлагает не акцентировать внимание на опасности растворения, а продолжать линию интеграции философии в междисциплинарные исследования. При этом философские аспекты подобного рода проектов остаются вполне различимыми – в частности, в виде рефлексии над методологией и основаниями собственных исследований.

Ключевые слова: STS, метод, эмпирическая методология, эмпирическая философия науки, экспериментальная философия, акторно-

сетевая теория, междисциплинарные исследования

Цитирование: Петрухина П.С. Эмпирическая философия: возможности и перспективы на примере философских исследований науки // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 3. С. 66-83. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-3-66-83

EMPIRICAL PHILOSOPHY: POSSIBILITIES AND PROSPECTS ON THE EXAMPLE OF PHILOSOPHICAL STUDIES OF SCIENCE

Polina S. Petrukhina – post-graduate. Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation;
e-mail: polina.petrukhina@gmail.com

The article considers introduction of empirical methods in philosophical studies of scientific practices. Special attention is given to the transformation of understanding of philosophy, its status and objectives caused by interaction with Science and Technology Studies (STS). A brief description of the STS role in the exploration of processes of knowledge producing is provided on the example of several key works (Latour and Woolgar, Knorr-Cetina, Law). A distinction is made between two forms of influence that STS have on philosophy: meaningful contribution to the discussion of epistemological issues and stimulation of methodological reflection. The impact made by STS on philosophy is analyzed in the light of more general tendency towards integration of philosophy and empirical methodology. This tendency includes empirical philosophy, which conducts researches modelled on the “classical” STS, that means using anthropological and ethnographic methods, interviews, etc., and experimental philosophy, which adapts qualitative methods of cognitive sciences to the philosophical issues. The threat of losing the disciplinary autonomy is considered as a crucial for philosophy facing the empirical expansion. Possible strategies for overcoming this challenge are analyzed on the basis of highlighted approaches. The main distinction criteria for experimental philosophy is the philosophical nature of their research issues. The alternative way, articulated in the interaction between philosophy and STS, suggests not to pay much attention to the assimilation problem, but to pursue integration of philosophy into the interdisciplinary studies. Meanwhile, the philosophical aspects in such kind of projects still remain quite distinguishable, particularly as methodological reflection on the basis of their own research.

Keywords: STS, method, empirical methodology, empirical philosophy of science, experimental philosophy, actor-network theory, interdisciplinary studies

For References: Petrukhina, Polina. 2022. Empirical philosophy: possibilities and prospects on the example of philosophical studies of science, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (3): 66-83. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-3-66-83 (In Russian)

Традиционно философское познание считалось умозрительной деятельностью, единственным инструментом которой служит мышление самого философа. Обращение к эмпирическому материалу, собранному другими дисциплинами (как естественно-научными, так и социогуманитарными – например, историей) было оправдано либо в качестве точки отсчета для дальнейшего теоретизирования, либо в качестве подтверждения и иллюстрации неких теоретических построений. Однако в последние десятилетия эмпирические методы применяются уже в качестве аппарата собственно философского исследования. В сфере философии науки и эпистемологии эту тенденцию можно связать с изменением всего ландшафта социогуманитарных исследований науки в 1970-1980-х гг., вызванным появлением новых исследовательских подходов, впоследствии сложившихся в междисциплинарный комплекс – Science and Technology Studies (STS)¹³. Эти подходы объединяли установка на изучение науки как совокупности практик, укорененных в материальных и социальных условиях, рассмотрение научного знания как продукта производства и коллективного конструирования, а также применение эмпирической методологии¹⁴, отталкивающейся от некоторого конкретного материала (например, собранного в ходе полевого исследования работы ученых в их «естественной среде» – научных лабораториях)¹⁵.

Развитие STS как фактор трансформации философских исследований

Чтобы проанализировать взаимосвязь STS и философских исследований науки, обратимся к истории развития данного междисциплинарного комплекса. Можно выделить два типа проектов (в определенном смысле их можно назвать этапами развития STS), которые по-разному выстраивают свои отношения с философией. Работы «классиков» STS оказываются интересны эпистемологии и философии науки прежде всего своими результатами, полученными при помощи эмпирических методов. Они внесли значительный

¹³ Аббревиатура допускает двоякое прочтение: «Science and technology studies» или «Science, technology and society» («Исследования науки и техники») или «Наука, техника, общество»).

¹⁴ Набор этих методов заимствовался из таких дисциплин, как этнография, антропология, социология (например, включенное наблюдение, глубинные интервью, этнометодологический анализ коммуникаций ученых, семиотический анализ их материальных практик и т. д.).

¹⁵ Наиболее яркими представителями эмпирических исследований научных лабораторий (laboratory studies) были Бруно Латур и Стивен Вулгар [Latour, Woolgar, 1979], Карен Кнопп-Цетина [Knorr-Cetina, 1981], Шэрон Трэвик [Traweek, 1988] и Майкл Линч [Lynch, 1985]. Также следует отметить работы Г. Коллинза, например [Collins, 2004], хотя сам он себя не причисляет к представителям laboratory studies.

вклад в обсуждение эпистемологических вопросов, касающихся конструктивистской природы знания и его ситуативности, актуальности разделения на «контекст» и «содержание» или на «внешнее» и «внутреннее» в научной деятельности, материальности практик познания, многообразия культур научных сообществ и роли не-человеческих акторов в производстве знания. Так, например, в работе Б. Латура и С. Вулгара «Лабораторная жизнь» [Latour, Woolgar, 1979], которую можно считать первой публикацией в сфере *laboratory studies*, представлен опыт включенного наблюдения за деятельностью сотрудников лаборатории нейроэндокринологии Р. Гиймена в Институте Солка (Калифорния, Сан-Диего) и их практиками конструирования знания о химической структуре тиролиберина¹⁶. Авторы демонстрируют, что это конструирование является материально обусловленным процессом, в ходе которого материальные ресурсы превращаются в тексты и визуализации при помощи устройств записи, однако в конечном итоге материальность производства знания оказывается стертой. В другой классической работе – этнографическом исследовании биохимической лаборатории в Беркли К. Кнопп-Цетины [Knopp-Cetina, 1981] – к обоснованию конструктивистской природы научного знания добавляется критика корреспондентной теории истины по сравнению с прагматистской теорией. Согласно Кнопп-Цетине, рассуждения ученых представляют собой не только и не столько когнитивные процессы, сколько материально укорененные практики – выводы, основанные, опять же, на эмпирически наблюдаемых самой Кнопп-Цетиной процессах производства научных фактов.

Эти две работы служат примерами того, что можно назвать «классическими» STS-проектами (как по их статусу в дисциплинарном поле, так и по их задачам и результатам). В более современных работах появляются новые темы и новые формы проведения исследований. В частности, среди представителей так называемой акторно-сетевой теории (АСТ) наблюдается поворот к обсуждению методологических аспектов собственной работы (поскольку сами исследователи науки также занимаются производством определенного типа знаний), а также предлагаются варианты пересмотра и трансформации методологии ранних STS. Пример такой методологической рефлексии можно обнаружить в книге Дж. Ло «После метода» [Ло, 2015]. Ло описывает неразрывную взаимосвязь эпистемологического и онтологического аспектов работы метода, носящей перформативный характер. Эта работа состоит в проведении концептуальных различий, в результате которых одни реалии фиксируются как присутствующие, другие – как отсутствующие, но подразумеваемые, а все остальное (отсутствующая «Инаковость», или хинтерланд, как называет эту категорию реалий Ло [Ло, 2015, с. 177-178]) затирается как нерелевантное для целей и

¹⁶ Тиролиберин (ТРГ) – рилизинг-гормон гипоталамуса, стимулирующий секрецию ряда гормонов передней доли гипофиза.

задач исследования (например, те самые материальные аспекты производства научных фактов, не отражаемые в итоговых публикациях, с исследования которых собственно и начались STS). Таким образом, в рамках STS-проектов подобного рода намечаются иные формы взаимодействия с философией и ее проблематикой, чем в классических работах, где речь шла о содержательном изменении базовых эпистемологических установок, касающихся науки.

В то же время развитие STS ставит перед философией и определенные проблемы, особенно ввиду того, что тенденция сближения философской методологии с эмпирическими исследованиями является гораздо более обширной. И хотя главный акцент в данной статье делается именно на взаимоотношениях философии и STS, для более полной картины рассмотрим еще несколько векторов интегрирования эмпирических методов в философию науки и эпистемологию.

Философия научного познания как эмпирическая дисциплина

В рамках отечественной философии идею того, что теория познания должна быть эмпирической, а не априорной, отстаивал М.А. Розов [Розов, 2012]. Однако в его трактовке эмпирический характер теории познания сводился к организации философской работы по образцу фундаментальных естественно-научных дисциплин, где главное внимание уделяется разработке теории, с помощью которой может быть описан имеющийся эмпирический материал. При этом Розов не предполагал, что философы должны собирать этот материал самостоятельно, и отдавал данную работу на откуп другим специальным дисциплинам – например, истории. В этом его понимание эмпирической теории познания схоже с трактовкой эмпирической философии, предлагаемой Дж. Принцем [Prinz, 2008]: эмпирическая философия опирается на данные, собранные другими науками. Если же обратиться к современной философии науки, то можно обнаружить альтернативную версию эмпирической философии как исследования философских проблем с непосредственным использованием качественных методов STS [Wagenknecht, Nersessian, Andersen, 2015]. Можно сказать, что этот подход определяет эмпирическую философию науки в узком смысле, поскольку к эмпирии так или иначе обращаются и философы, остающиеся в рамках «классической» философии науки, то есть не обособляющие себя в специальное направление относительно сложившейся дисциплины¹⁷. Однако методы и принципы организации работы последних не претерпевают радикальных изменений, что не позволяет в полной мере назвать их представителями эмпирической философии, предполагающей использование соответствующей методологии самими философами. Напротив, А. Мол, представительница АСТ, говорит о возможности «эмпири-

¹⁷ В современной философии это, например, Н. Картрайт, Б. ван Фраасен и пр.

ческой философии», которая будет включать использование этнографических методов в исследовании практик знания [Мол, 2017]. Действительно, авторы, определяющие себя как эмпирических философов, используют те же методы, что и STS-исследователи (включенное наблюдение, интервью, эмпирический анализ научных текстов и визуализаций, повседневных практик и коммуникаций, материальных аспектов научной деятельности). Такое заимствование иллюстрирует существенное влияние STS на философию науки в том, как вообще надо исследовать науку и что в ней нужно изучать.

Еще одна тенденция в трансформации методологии философского исследования представлена так называемой экспериментальной философией. В ней предполагается сближение философии с точными науками путем заимствования у них инструментария количественной методологии и ее адаптации к эпистемологическим вопросам. Чаще всего сферами для такого методологического заимствования выступают психология, когнитивные науки и социология. Как правило, экспериментальная философия науки и экспериментальная эпистемология опираются на количественный анализ данных опросов, в которых фигурируют смоделированные в рамках определенной философской проблематики ситуации для их оценки респондентами (философские эксперименты). Опросы адресуются ученым для выявления их собственных интуиций относительно ключевых эпистемологических вопросов¹⁸ и пересмотра имеющихся философских концепций с учетом этих интуиций. Таким образом, экспериментальную философию также можно причислить к блоку эмпирических (в широком смысле) философских исследований.

Однако, поскольку посредством внедрения эмпирических методов соответствующих наук происходит скрещивание философии с историей, социологией, антропологией и психологией, закрадывается опасность полного вытеснения ими философии как таковой. В дискуссии, посвященной смежной проблематике – перспективам кабинетной философии, то есть противоположному варианту развития философского исследования, В.В. Васильев характеризует основную угрозу, исходящую от экспериментальной философии, как «демонтаж философии как самостоятельной дисциплины» [Васильев, 2019, с. 13], или, иными словами, как растворение философии в других дисциплинах. Исток этой угрозы вполне можно экстраполировать и на все поле эмпирических (в широком смысле)

¹⁸ Например, вопрос, что собой представляет идеал объективности с точки зрения самих ученых, исследуемый в проекте чешских философов-экспериментаторов: Jedlička P., Kalvas F. Theoretical and empirical perspectives on objectivity: Transforming a historical account into an investigative tool // Integrated History and Philosophy of Science. Virginia Tech, 2021; URL: <https://www.researchgate.net/project/GACR-2018-2020-Objectivity-An-Experimental-Approach-to-the-Traditional-Philosophical-Question> (дата обращения: 30.05.2022).

философских исследований, а сама эта угроза ставит перед философией проблему демаркации и защиты собственной дисциплинарной автономии.

*Экспериментальная и эмпирическая философия:
защита и трансформация философских позиций*

Следует отметить, что в явном виде проблема демаркации актуальна в первую очередь для экспериментальной философии и эмпирической философии в узком смысле, поскольку ее представители претендуют на то, чтобы называться философами, в отличие от исследователей, работающих в сфере STS, где в силу ее междисциплинарности самоидентификация уже не так принципиальна. Экспериментальные философы подчеркивают свою преемственность с представителями предшествующих этапов истории философии, когда та была еще тесно связана с другими дисциплинами, сейчас трактуемыми как эмпирические (психология, история, политология и т. д.). Сторонники экспериментальной философии отмечают, что являются философами, поскольку решают традиционные для философских дисциплин вопросы, но при помощи новых методов – экспериментов. Хотя в западной философии глубоко укоренена традиция мысленных экспериментов, в этом случае речь идет об экспериментах, привычных для естественных наук, то есть предполагающих реальное взаимодействие с исследуемыми объектами (в частности, варьирование параметров в опросах). Главным нововведением, вносимым подобного рода процедурами в философские выводы и суждения, являются точные цифры и данные. Там, где «традиционный» философ напишет: «Можно с уверенностью сказать, что...», представители экспериментальной философии укажут точное количество людей из выборки, уверенных в предлагаемом утверждении [Knobe, Nichols, 2008]. Так философы-экспериментаторы надеются избавиться от не(до)определенности, неточностей и приблизительности в философских суждениях, приблизив философию к идеалу строгой научности. Стоит, однако, заметить, что в результате заимствуются и проблемы этих дисциплин – например, проблемы соотношения эксперимента (экспериментальных данных) и теории. Сами же философы-экспериментаторы видят главную задачу в том, чтобы показать возможную значимость статистических данных для разработки центральных философских проблем широкому философскому сообществу. Эти данные, оговариваются представители экспериментальной философии, не могут и не должны напрямую влиять на принятие или отбрасывание философских теорий, но могут дать доступ к чему-то важному для теории. Что именно это будет – трудно универсализировать, поскольку экспериментальная философия, по словам ее собственных представителей, довольно гетерогенное поле, включающее в себя вопросы метафизики, этики, эпистемологии. Поэтому выделить некоторую универсальную для них

роль экспериментальных данных не представляется возможным. При этом в экспериментальной философии не пересматриваются и принимаются установленные нормы и ценности философской работы, которые ставятся под вопрос в рамках STS. Это касается прежде всего установки эпистемологии на производство нормативного знания. В этом смысле экспериментальная философия вполне традиционна.

Стратегия так называемых эмпирических философов, ориентирующихся на методы STS, предполагает включение этапов сбора и обработки эмпирического материала как необходимых элементов исследования наряду с традиционным поиском инвариантов познания и процедурами выработки философских обобщений и абстракций, которые теперь должны быть более тесно увязаны с эмпирическим материалом. Философия в их понимании становится более научной, перенимая стандарты строгости и объективности методологии у социальных наук (анализ текста, дискурсивный анализ, техники кодирования¹⁹). В этом они перекликаются с экспериментальной философией, с той лишь разницей, что последняя ориентируется на когнитивные науки и в большей мере опирается на статистические методы опросов определенной выборки, тогда как эмпирические философы используют в основном качественные методы.

Размышления о философском статусе эмпирических исследований науки

Как же в итоге понять, сохраняется ли за вышеописанными эмпирическими направлениями статус философских? Можно ли сказать, что все дело в вопросе, как предполагает экспериментальная философия: если вопрос ранее ставился в рамках философских работ, то исследование является философским? Тут, как представляется, есть очевидная проблема с тем, что значительное число вопросов, ставившихся философией на протяжении ее истории, впоследствии попало в сферу юрисдикции других наук. Наиболее ироничным кажется то, что экспериментальная философия действительно совершает такой же вклад в передачу ряда эпистемологических вопросов от философии к психологии и когнитивистике, по-

¹⁹ См. работы в упомянутом сборнике [Wagenknecht, Nersessian, Andersen, 2015] – например, статью [Osbeck, Nersessian, 2015]. Основа строгости и точности результата, его объективности в понимании авторов лежит прежде всего в коллективной фильтрации множественности интерпретаций и конкретности первичного эмпирического материала. Описание коллективного процесса работы с эмпирическим материалом через процедуры кодирования отрывков интервью показывает значимость унификации конечного результата, требования общего, коллективного принятия, одобрения новых кодов и ведущих тем в тех или иных отрывках, дополнительных проверок со стороны внешних консультантов, которые, как ожидается, должны подтвердить сконструированную в группе интерпретацию.

скольку значительная часть «философских» экспериментов и их интерпретация проводится с опорой на методологию данных дисциплин, не претерпевая каких-либо существенных трансформаций.

Однако я не считаю, что любая гибридизация философии с эмпирическими исследованиями выносит философии приговор. Во-первых, одни из наиболее плодотворных ее вариантов можно обнаружить в сфере STS. Показательным может быть пример акторно-сетевой теории. Родоначальники STS в целом (и основоположники АСТ в частности) не претендовали на то, чтобы заниматься философией; скорее наоборот, их проекты выросли в первую очередь из социологии и антропологии (этнографии) как конкуренты современной им философии науки (например, исследование Латура и Вулгара). Однако парадоксальным образом, как отмечает О.Е. Столярова [Столярова, 2018], изначальная радикализация эмпирической установки в рамках АСТ (отказ от предваряющих полевое исследование или «следование за акторами» философских посылок и готовых теоретических абстракций) в то же время оказалась причиной чуть ли не наибольшей философской нагруженности АСТ среди всех STS-подходов. Методология АСТ предполагала создание специальной онтологии, разработкой которой легла в основу уже специфически философского проекта Латура по исследованию модусов существования, выходящего за рамки собственно акторно-сетевой теории.

Кроме того, для обсуждения статуса гибридных исследований научной деятельности и ответа на вопрос, являются ли они философскими, что в них остается от философии, следует определить для себя, что понимать под самой философией. То есть эмпирический поворот заставляет обратиться к традиционному для философии вопросу о ее природе и к исследованию собственных оснований и предпосылок, что уже погружает нас в философствование как рефлексивную практику. Начнем с того, что означают характеристики «философский» или «не-философский». Если анализировать дискурсивные практики, то на первом этапе развития STS можно увидеть, что характеристика «философский» связывается с представлениями о рациональности, нормативности, универсализме, интернализме, теоретизировании, то есть с мышлением классической философии науки (поэтому во многом первые исследователи научных лабораторий и были склонны противопоставлять себя философии). Как описывает подобный подход С.М. Гавриленко, «исследовать науку философски означает исследовать специфическую форму представления» [Гавриленко, 2017, с. 22], а именно – пропозиции, поскольку философия – учение об идеях и порядке представления. Сфера же эмпирического оказалась предметом изучения зародившейся с Дюркгеймом социологии. Философия в науке видела и исследовала идеализированные схематизмы, наделенные качествами общезначимости, универсальности и необходимости, причем эти качества переходили и на метод производства этого знания (так называемый научный метод). С приходом

STS возникает новая исследовательская оптика работы со знанием. В нем больше не видят только гомогенизированный порядок представлений и их пропозициональные формы, но размытое подвижное множество гетерогенных элементов, взаимодействия между которыми устанавливаются путем «следования за акторами», то есть эмпирическими методами. Изменение представлений о научном знании и научной деятельности вызвало трансформацию философии, о чем свидетельствует появление подходов, идентифицирующих себя как эмпирическую философию, которая уже не замкнута исключительно в сфере чистых понятий и теорий.

Проблематичен, однако, тот раскол, который эмпирическая интервенция вносит в стройные и унифицированные ряды философии науки и эпистемологии. Если раньше можно было уверенно выделять эти дисциплины в качестве самостоятельных исследовательских полей с собственными логиками развития²⁰, то с включением в них эмпирических исследований сделать это затруднительно. Дополнительно возникает проблема отсутствия единого нарратива. Как увязать воедино конкретные кейсы исследователей лабораторий, проекты, именующие себя эмпирической или экспериментальной философией, и, например, истории больших длительностей Галисона и Дастон? Как, если копнуть еще глубже, соотносятся вышеуказанные исследования с работами классиков исторической эпистемологии, с эпистемами Фуко и полями символического капитала Бурдьё? При этом «классическая философия науки» в современном дисциплинарном поле все еще также присутствует, например, в спорах реалистов и антиреалистов. Упорядочить и схематизировать эти исследования довольно трудно (начиная с вопроса об их дисциплинарных границах и заканчивая картографированием этой отграниченной области). Попытки проводить векторы развития приводят к тому, что история исследований науки и техники становится нелинейной и сама напоминает сеть. Ситуация похожа на ту, что Галисон описывает применительно к физике [Galison, 1997]: историю науки можно задавать по-разному, необязательно ставить во главу угла теории или эксперименты. Можно написать историю физики, отталкиваясь от развития научных инструментов, или историю науки в зависимости от типа научной субъективности и ведущей эпистемической добродетели. В каждом варианте истории будут свои периоды со своими временными границами и специфическими особенностями, позволяющими их выделять. Можно применить тот же способ говорить о дисциплинарном развитии и к философии и социальным исследованиям науки, собирая каждый раз ту схему связей и взаимоотношений, которая будет удобна для исследователя, будет соответствовать его конкретным задачам, то есть будет рабочей и эффек-

²⁰ От нескольких позитивизмов к постпозитивизму — хотя уже в этом поле постпозитивизма фигуры Куна и Фейерабенда несколько выбиваются из линии рационального теоретизирования Поппера и Лакатоса, внося в него гетерогенность несовместимых парадигм и даже хаос анархии.

тивной. Благодаря этой гибкости дисциплинарных рамок сам исследователь оказывается свободным в выборе привлекаемых «союзовников» для производства интерпретаций изучаемого объекта. Это наблюдается уже у первых эмпирических исследователей науки, привлекающих в качестве философских союзников далеко не самых ведущих и очевидных в плане современной им философии науки персонажей (таких, например, как Делез, Уайтхед, Деррида)²¹.

*Философия и эмпирические методы:
векторы взаимодействия*

Вернемся теперь к основному вопросу: смогут ли эпистемология и философия науки, перенея качественные методы STS или количественные статистические методы, сохранить свою дисциплинарную автономию и независимость? Трансформация философской работы, предлагаемая в проектах эмпирической (в узком смысле) и экспериментальной философии, включает в себя строгость обращения с методами, в том числе и количественными, следование точности процедур обработки данных для соблюдения принципов объективности исследования и достоверности его результатов, принятых в точных науках. В этом случае философия оказывается замкнутой методологическими рамками наук, на которые она ориентируется, что может рассматриваться как в положительном ключе (наличие общих критериев проведения исследования и получения его результатов как основа для совместной коллективной работы, в том числе и с исследуемыми учеными), так и в негативном (наследование недостатков и ограниченности научных методов, отсекающих те реалии, которые не могут быть зафиксированы путем научных методов обработки данных или производством классических философских абстракций).

С другой стороны, эпистемология способна стать одним из аспектов междисциплинарных исследований науки, что можно видеть на примере работ таких авторов, как, например, Б. Латур, К. Кнорр-Цетина, Дж. Ло, А. Мол, Г. Коллинз. И хотя здесь наиболее остро встает проблема растворения философии, получаемые результаты могут оправдывать подобные риски. Поскольку исследователи не привязываются к необходимости соответствовать строгим стандартам философского или научного исследования, это дает определенную свободу в выборе как предмета, так и метода изучения. В результате появляются новые темы (материальность, чувственность, телесность, партиципаторность и т. д.) и новые методы их изучения (гибриды качественных и количественных мето-

²¹ В наибольшей степени это относится к работам представителей АСТ – в частности, к Латру. Кроме того, можно упомянуть Э. Пикеринга, хотя он и не использует напрямую в своей работе методы антропологического наблюдения, но активно привлекает эмпирический материал в виде анализа конкретных кейсов.

дов Латура и Вентурини [Venturini, Latour, 2009], метод-сборка Ло [Ло, 2015], социальное экспериментирование у Маррес и ее коллег [Lezaun, Marres, Tironi, 2017] и т. д.). Эта дисциплинарная свобода позволяет открывать новые исследовательские перспективы. Сами STS появились в результате выхода за рамки устоявшихся, современных им норм научного и философского исследования, как итог методологического эксперимента по применению этнографического и антропологического подходов к изучению науки и пересмотра привычных представлений о науке и научном знании. Однако академическая философия довольно долго не обращала внимания на этот поворот, и работы по применению схожих методов в «официальной» философии появились только тогда, когда STS уже институализировались и заняли почетное место среди прочих социально-гуманитарных наук, то есть когда их методы и основные результаты оформились как «черные ящики»²². Таким образом, эмпирическая «академическая» философия формируется в условиях, когда методы STS уже получили свою легитимность в качестве инструментов исследования, так что с их помощью можно было продолжать собирать и обобщать определенный тип эмпирических данных, отвечающих определенным теоретическим установкам (конструктивистская природа знания, гетерогенность акторов научной деятельности, тесная взаимосвязь науки с другими сферами и типами деятельности). Дальше можно продолжать исследовать, как те или иные из подобных глобальных и абстрактных установок воплощаются на практике на примерах многообразного конкретного материала (как именно в том или ином типе научного исследования конструируется знание, какие акторы в нем участвуют и какова роль каждого из них, как происходит взаимодействие между ними, в чем специфика той или иной научной практики и т. д.). Точно так же можно принимать и более специфичные установки, разработанные уже частными исследователями, и рассматривать возможность применения их концептов на новом эмпирическом материале (научная самость, эпистемические добродетели, типы коллективного экспериментатора, перевод интересов, научные культуры, уровни экспертного знания и т. д.). Можно даже пробовать выявлять и формулировать свои собственные концептуальные схемы. Однако все они так или иначе будут укладываться в общую картину глобальных общепринятых установок, из-за чего сильно затрудняется производство радикально новых исследовательских результатов. Уже наблюдается тенденция, когда новизна исследований в STS и эмпирической философии сводится к новизне эмпирического материала, с которым работает исследователь, что довольно нетрудно сделать, учитывая бесконечные возможности

²² Латур заимствует термин «черный ящик» из кибернетики и компьютерных наук для обозначения готового научного факта и/или технического изобретения, принимаемого как данность, когда условия его получения уже перестают интересовать большую часть научного сообщества [Латур, 2013, с. 25-26, 214].

дробления многообразия эмпирической реальности на отдельные кейсы. Смежная с вышеуказанной проблема раздробленности дисциплинарного поля, то есть обилие отдельных микрокейсов, не увязывающихся в более общий нарратив, также наблюдается в рамках STS, и эмпирическая философия, ориентируясь на них, заимствует и этот недостаток. Однако это не фатальные проблемы. Их преодоление может лежать не только в возврате к философским абстракциям, но и, как предлагают некоторые представители STS, в переходе от индивидуальной работы и работы в малых исследовательских группах к масштабным коллективным проектам, и от краткосрочных проектов – к долгосрочным (продолжительностью порядка десяти лет).

В то же время претензии на радикальную новизну сохраняются в ряде подходов, которые выше были отличены от так называемых «классических» STS. Это проекты, где исследователи снова пытаются произвести методологическую революцию, причем возведя ее практически в перманентный статус – когда метод должен постоянно трансформироваться и изменяться (например, упоминавшаяся выше работа Дж. Ло). Расширительная трактовка метода и выход за рамки ограничений существующей рационалистической методологии должны дать доступ к новым реалиям, не учитываемым стандартной методологией, а также впустить множественность перспектив внутрь методологии. В рамках этих подходов возможна проработка новых онтологий и новых форматов взаимодействия с изучаемыми акторами, выходящих за рамки незаинтересованного и отстраненного исследования. Тут признается наличие у методов политических аспектов, и, таким образом, эпистемология (если в этом случае ее еще можно так называть) уходит от идеалов научности как описания и теоретизирования. Рисками этого варианта развития для эпистемологии являются уход в политику и забвение первоначальных задач по исследованию и описанию знания, а также чрезмерная раздробленность, но уже не в предметном плане, как в случае с STS и эмпирической философией, а в методологическом. Использование методологии, действительно экспериментальной самой по себе, и возможности ее постоянного изменения, трансформации и множественности должны быть предельно аккуратными и тесно связанными с соответствующей эмпирической сложностью изучаемого объекта. Как подчеркивает Ло [Ло, 2015], далеко не во всех случаях нужно отказываться от традиционных подходов к методу, поскольку они, безусловно, показали свою эффективность для определенных типов ситуаций.

Итоги и перспективы

Обобщая вышесказанное, мне представляется, что в связи с экспансией эмпирической методологии, угрожающей статусу эпистемологии и философии науки как самостоятельных дисциплин, можно выделить две стратегии реагирования на этот «эмпир-

рический вызов». Первая стратегия предполагает использование эмпирических методов как необходимого элемента философствования. Философия в такой интерпретации становится более научной, перенимая стандарты строгости и объективности методов конкретных научных дисциплин, но при этом данные стандарты ограничивают ее исследовательский потенциал. Вторая стратегия предполагает, что эпистемология способна стать одним из аспектов междисциплинарных исследований науки. Эта стратегия дает определенную свободу в выборе как предмета, так и метода изучения. Философия здесь может быть представлена в качестве рефлексии над основаниями собственной работы, как, например, в ряде АСТ-проектов. Однако здесь стоит иметь в виду, что расширение как предметного, так и методологического поля грозит уходом от собственно эпистемологических задач и раздробленностью дисциплинарного поля.

В качестве перспектив развития исследований науки сторонники второй стратегии предлагают развивать новые, неклассические методы эмпирического изучения научных практик – в частности, видоизменяя или скрещивая между собой уже имеющиеся. Но будет ли успешным и плодотворным применение гибридных и трансформированных методов в изучении науки, зависит, как мне кажется, от конкретных ситуаций, поскольку наука также претерпевает трансформации, а кроме того, сама является довольно гетерогенной. Неслучайно гибридные методы используются для анализа дисциплин, связанных с изучением климата и экологии, а также медицины, поскольку эти сферы носят наиболее прикладной характер и связаны с наиболее актуальными для различных широких групп акторов проблемами. Как отмечают Латур и Вентурини [Venturini, Latour, 2009], предлагаемые ими качественно-количественные методы наиболее эффективны в ситуациях глобальных проблем и разногласий, в которые очевидным образом вовлечены разнородные и многочисленные группы акторов. Однако и в традиционных местах производства знания – лабораториях – остаются реалии, не охваченные классическими методами, и происходят трансформации имеющихся практик взаимодействия различных акторов друг с другом. Несмотря на обилие уже проведенных работ, лаборатории все еще остаются недостаточно изученным местом производства научного знания, так как пока нельзя сказать, что нам доступно полное понимание этого процесса на основании имеющихся исследований, продолжение которых представляется значимой и актуальной задачей. В более узком контексте изучение лабораторий дает возможность самим социальным исследователям (которые в свою очередь также представляют собой особое «племя», то есть потенциальный объект антропологического изучения) порефлексировать над основаниями собственной деятельности и через исследование методов ученых узнать что-то о себе. В более широком – если научное сообщество и его практики являются конституирующими для жизни современного общества, их изучение

позволяет в той или иной мере прояснить нечто о себе всем представителям данного общества.

Таким образом, несмотря на наличие определенных проблем, использование эмпирической методологии для изучения производства знания представляется важной частью эпистемологического исследования, поскольку позволяет расширить его сферу и обогатить результаты, а также усилить междисциплинарные связи и значимость эпистемологических результатов для внефилософского сообщества. Философия же в этой ситуации сохраняет свои позиции как в постановке исследовательских вопросов, так и в поле исследовательской рефлексии над методологией и результатами ее применения.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Васильев, 2019 – *Васильев В. В.* Метафилософия: история и перспективы // Эпистемология и философия науки. 2019. № 2. С. 6–18.

Гавриленко, 2017 – *Гавриленко С. М.* Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология и философия науки. 2017. № 2. С. 20–28.

Латур, 2013 – *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой под ред. С. Миляева. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2013. 414 с.

Ло, 2015 – *Ло Дж.* После метода: беспорядок и социальная наука / пер. с англ. под ред. С. Гавриленко. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2015. 352 с.

Мол, 2017 – *Мол А.* Множественное тело: онтология в медицинской практике / пер. с англ. под ред. А. Писарева, С. Гавриленко. Пермь: HylePress, 2017. 254 с.

Розов, 2012 – *Розов М. А.* Теория познания как эмпирическая наука // Философия науки в новом видении. М.: Новый хронограф, 2012. С. 74–107.

Столярова, 2018 – *Столярова О. Е.* Третья волна исследований науки как философское обоснование STS // Логос. 2018. № 5. С. 31–53.

Collins, 2004 – *Collins H.* Gravity's Shadow: The Search for Gravitational Waves. Chicago: University of Chicago Press. 2004. 870 p.

Galison, 1997 – *Galison P.* Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1997. 982 p.

Knobe, Nichols (eds.), 2008 – *Knobe J., Nichols S.* (ed.) Experimental Philosophy. N.Y.: Oxford University Press, 2008. 244 p.

Knorr-Cetina, 1981 – *Knorr-Cetina K.* The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. Oxford; N.Y.: Pergamon Press, 1981. 189 p.

Latour, Woolgar, 1986 – *Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts.* 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 1986. 296 p.

Lezaun, Marres, Tironi, 2017 – *Lezaun J., Marres N., Tironi M. Experiments in participation* // Felt U., Fouché R., Miller C.A., Smith-Doerr L. (eds.) *The Handbook of Science and Technology Studies.* 4th ed. Cambridge, L.: The MIT Press, 2017. P. 195–221.

Lynch, 1985 – *Lynch M. Art and Artifact in Laboratory Science. A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory.* L.: Routledge, 1985. 317 p.

Osbeck, Nerses, 2015 – *Osbeck L. M., Nersessian N. J. Prolegomena to an empirical philosophy of science* // Wagenknecht S., Nersessian N., Andersen H. (eds.) *Empirical Philosophy of Science. Introducing Qualitative Methods into Philosophy of Science.* Dordrecht: Springer, 2015. P. 13–36.

Prinz, 2008 – *Prinz J. Empirical philosophy and experimental philosophy* // Knobe J., Nichols S. (eds.) *Experimental Philosophy.* N.Y.: Oxford University Press, 2008. P. 189–208.

Serres, 2007 – *Serres M. The parasite* / trans. by L.R. Schehr. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2007. 288 p.

Traweek, 1988 – *Traweek S. Beamtimes and Lifetimes: The World of High Energy Physicists.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. 206 p.

Venturini, Latour, 2009 – *Venturini T., Latour B. The social fabric: digital traces and quali-quantitative methods* // *Proceedings of Future En Seine, 2009.* URL https://medialab.sciencespo.fr/publications/Venturini_Latour-The_Social_Fabric.pdf. (дата обращения: 26.07.2020).

Wagenknecht, Nersessian, Andersen (ed.), 2015 – *Wagenknecht S., Nersessian N., Andersen H. (eds.) Empirical Philosophy of Science. Introducing Qualitative Methods into Philosophy of Science.* Dordrecht: Springer, 2015. 177 p.

Ziewitz, Lynch, 2018 – *Ziewitz M., Lynch M. It's important to go to the laboratory: Malte Ziewitz talks with Michael Lynch* // *Engaging Science, Technology, and Society.* 2018. Vol. 4. P. 366–385.

References

Collins, H. *Gravity's Shadow: The Search for Gravitational Waves.* Chicago: University of Chicago Press. 2004.

Galison, P. *Image and Logic: A Material Culture of Microphysics.* Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1997.

Gavrilenko, S.M. "Istoricheskaya epistemologiya: zona neopredelennosti i prostranstvo teoreticheskogo voobrazheniya" [Historical Epistemology: Zone of Uncertainty and Space for Theoretical Imagination], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2017, no. 2, pp. 20–28. (In Russian)

Knobe, J., Nichols S. (eds.) *Experimental Philosophy.* New York: Oxford University Press, 2008.

Knorr-Cetina, K. *The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science.* Oxford; New York: Pergamon Press, 1981.

Latour, B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in action: how to follow scientists and engineers through society], trans. by K. Fedorova, ed. by S. Milyaev. Saint Petersburg: European Univ. Publ., 2013. (In Russian)

Latour, B., Woolgar, S. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. 2nd edition. Princeton: Princeton University Press, 1986.

Law, J. *Posle metoda: besporyadok i sotsialnaya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research], trans. ed. by S. Gavrilenko. Moscow: Gaidar Inst. Publ., 2015. (In Russian)

Lezaun, J., Marres, N., Tironi, M. Experiments in participation. In: Felt U., Fouché R., Miller C.A., Smith-Doerr L. (eds.) *The Handbook of Science and Technology Studies*. 4th edition. Cambridge, London: The MIT Press, 2017, pp. 195–221.

Lynch M. *Art and Artifact in Laboratory Science. A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. London: Routledge, 1985.

Mol, A. *Mnozhestvennoe telo: Ontologiya v meditsinskoi praktike* [The Body Multiple: Ontology in Medical Practice], trans. ed. by A. Pisarev, S. Gavrilenko. Perm: HylePress, 2017. (In Russian)

Osbeck, L. M., Nersessian, N. J. Prolegomena to an empirical philosophy of science. In: Wagenknecht S., Nersessian N., Andersen H. (eds.) *Empirical Philosophy of Science. Introducing Qualitative Methods into Philosophy of Science*. Dordrecht: Springer, 2015, pp. 13–36.

Prinz, J. Empirical philosophy and experimental philosophy, in: Knobe J., Nichols S. (ed.) *Experimental Philosophy*. New York: Oxford University Press, 2008, pp. 189–208.

Rozov, M. *Teoriya poznaniya kak empiricheskaya nauka* [Theory of Knowledge as an Empirical Science]. In: *Filosofiya nauki v novom videnii* [Philosophy of Science in a New Vision]. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2012, pp. 74–107. (In Russian)

Stolyarova, O. “Tretiya volna issledovaniya nauki kak filosofskoe obosnovanie STS” [The Third Wave of Science Studies as a Philosophical Justification for STS], *Logos*, 2018, no. 5, pp. 31–53. (In Russian)

Serres, M. *The Parasite*, trans. by L.R. Schehr. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2007.

Traweek, S. *Beamtimes and Lifetimes: The World of High Energy Physicists*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.

Vasilyev, V. “Metafilosofiya: istoriya i perspektivy” [Metaphilosophy: history and perspectives], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2019, no. 2, pp. 6–18. (In Russian)

Venturini, T., Latour, B. The social fabric: digital traces and qualitative methods. In: *Proceedings of Future En Seine*, 2009. Available at: https://medialab.sciencespo.fr/publications/Venturini_Latour-The_Social_Fabric.pdf (accessed on July 26, 2020).

Wagenknecht, S., Nersessian, N., Andersen, H. (eds.) *Empirical Philosophy of Science. Introducing Qualitative Methods into Philosophy of Science*. Dordrecht: Springer, 2015.

Ziewitz, M., Lynch, M. “It’s important to go to the laboratory: Malte Ziewitz talks with Michael Lynch”, *Engaging Science, Technology, and Society*, 2018, vol. 4, pp. 366–385.

Поступила в редакцию: 10.06.2022